

В. В. Иваницкий (Великий Новгород)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

В 60-е гг. прошлого века, когда в науке господствовал интерес к логическому анализу языка, вышла статья Михаила Ивановича Стеблин-Каменского «Изоморфизм и „фонологическая метафора”»¹. На первый взгляд она имела довольно узкий предмет исследования в соответствии с заявленной тематикой, но по существу затрагивала фундаментальные проблемы лингвистики, так или иначе связанные с процессами метафоризации, — проблему формулирования концептуальной основы научного метода и проблему создания метаязыка лингвистики. Постановка этих проблем и предложенные пути их решения явно выбивались из общего контекста формально-семантических исследований того времени. Сейчас уже можно уверенно сказать, что идеи Михаила Ивановича во многом предвосхитили дискуссии современной лингвистики и не утратили своей актуальности в наши дни.

Основная идея Михаила Ивановича — обосновать правомерность употребления фонологических «терминов „оппозиция“, „нейтрализация“, „маркированность“ и т. д. в описании не фонологических явлений». Этот перенос благодаря выдающимся достижениям фонологии стал особенно популярным в языкознании того времени. Подчеркивая, «что метод метафоры — это скорее метод поэзии, чем науки», Михаил Иванович устанавливает критерии, позволяющие отграничивать «фонологическую метафору», терминологическую по природе, от поэтической. В поэтической и фонологической метафорах, по его мнению, мы наблюдаем разный тип сходства: в первой представлено «вполне конкретное сходство», в фонологической — «лишь структурное сходство». К тому же в отличие от поэтической новизны, неожиданности и оригинальности для фонологической метафоры характерна «абсолютная шаблонность». Предметная соотнесенность поэтической метафоры «сдвинута», что не отмечено

в фонологической метафоре. Поэтическая метафора может быть у простых слов, фонологическая — у терминов.

Сомневаясь в целесообразности широкого распространения фонологических терминов в языкознании, Михаил Иванович все-таки не отрицает возможности их разумного использования.

В современной науке тенденция к переносу терминологии из одной исследовательской области в другую, а вместе с ней и расширение сфер действия терминологической метафоры приобрела более глобальный характер, чем в прошлые годы. Ср., например, области функционирования следующих терминов: *референция, узел, модель, аргумент, формат, текст, поле, дискурс, грамматика*. Так, употребление термина «референция», начиная от теории референции, охватывает разнообразные области лексической, морфологической, синтаксической семантики и прикладной лингвистики. Сферы применения термина «модель» — структурная лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, компьютерная лингвистика, фонология, словообразование и т. д.

Подобным терминам свойственны метафоричность и многозначность. Стремление же быть более точным при их употреблении обычно приводит к синонимии. Кроме того, многие термины являются носителями не только соответствующего понятия, но и определенных коннотаций об источниках их формирования — направлении, школе, авторе и т. д., ср.: *социальная лингвистика — социолингвистика, актант / сирконстант — распространитель*.

Такая ситуация обусловлена как процессом становления терминологической системы теоретической лингвистики и бурным развитием ее прикладных и смежных направлений, так и сложностью и многоплановостью предмета науки, разнообразием исследовательских подходов к нему².

Если обратиться к анализу источников образования лингвистической терминологии, то не составляет труда убедиться в том, что они отличаются большим многообразием, особенно в наши дни. Прежде всего это слова, восходящие к античности и относящиеся ко времени становления западноевропейской научной терминологии³. Они имеют преимущественно древнегреческое происхождение и грамматико-философскую и риторическую направленность, например: *грамматика, категория, предикат, имя, этимология, диатеза, троп, метафора, рема, зевгма, аллегория, аналогия, синекдоха, парадигма, антитеза, койнэ, бустрофедон, катахреза, плеоназм, аподозис, синоним, просодия, хиатус, анафора, аугмент, дифтонг, гипербола*.

К этим терминам, составляющим костяк лингвистической метасистемы, примыкают слова, которые были созданы языковедами в последующее время с использованием латинских и греческих морфем, например: *субъект, префикс, инфинитив, морфема, логограмма, ларингал, вариант, генеалогия, сингармонизм, инкорпорация*,

статив, гипертекст, транскрипция, перфект, партитив, каузатор, билингвизм, вокализм, семантика, аффриката, синтаксема, аспект, конфикс, модус, реципрок.

Многие из терминов подобного типа в русском языке, как известно, имеют калькированные варианты, вместе с которыми в отечественную лингвистическую традицию и пришла терминологическая метафора.

Существуют, однако, термины, которые сложно калькировать в силу их специфики: они заимствованы из работ, представляющих восточную традицию, и распространились в языкознании сравнительно недавно. Они неметафоричны, однозначны и обычно имеют идиотнесенность, например: *сандхи, сампрасарана, бахуврихи, саварнья, деванагари, изафет, масдар, харф, порода, катакана, нигори.*

В последнее время, отмеченное тесным взаимодействием языкознания с другими науками и привлечением из них новых методов исследования, наблюдается активное заимствование терминологии из физики, геологии, минералогии, математики, биологии, социологии, психологии, литературоведения и т. д.

Многие из этих терминов также имеют греко-латинскую основу, например: *компрессия, катализ, валентность, дистрибуция, структура, синхрония, идентификация, интегральный, сценарий, ригидность, релевантность, симметрия, сегментация, компактный, коммутация, диссипация, тактика, фенотип, парцелляция, конверсия, интерпретация.*

Особое место в современной лингвистической терминологии занимают слова, имеющие ярко выраженный «авторский» характер⁴. Они могут быть созданы по традиционному греко-латинскому образцу, например: *интердепенденция, хронотеза, предикативизатор, актант, праксеогения.* Нередко новое терминологическое значение является результатом лексико-семантического варьирования уже известных терминов (*детерминация, констелляция, линейризация, тензор, вектор, прототип, сорит, синанс* и т. д.) или общеупотребительных слов, например: *фрейм, схема, каркас (концептуальная сетка), сфера, фактура, жанр, узел.*

Во всех указанных случаях, но особенно в последнем, понимание и толкование терминов возможно только в рамках заданной теоретической системы. А если они образованы на каком-либо языке — обычно на английском, немецком или французском, — то представляют проблему и для двуязычной лексикографии⁵. При заимствовании таких терминов метафора присутствует в их толковании (см., например, толкование термина «фрейм» в КСКТ⁶). При переводе терминов на русский язык метафора становится «открытой».

Отношение к терминологической метафоре с течением времени изменяется. Согласно традиции, восходящей к Аристотелю, утверждается, что метафорическая речь приводит к неясности и становится загадкой⁷. Поэтому наличие метафоры в тексте, несомненно, долж-

но отрицательно сказываться на научном стиле, требующем прежде всего ясности и точности языка, а не образности, которая препятствует адекватности научного изложения, затемняет и даже способно исказить истинный смысл описываемых явлений.

Подобная точка зрения в принципе согласуется с выводами одного из самых выдающихся «символистов» языкознания XX в. Э. Кассирера, который соотносит метафоризацию понятия с мифологическим, а не научным мышлением⁸.

Таким образом, учитывая данные соображения, лингвисты не должны при употреблении терминов допускать их метафоризации. Такой подход исключает метафору из научного оборота. Именно он доминировал в языкознании до начала 70-х гг., когда антропоцентрическое, когнитивно-прагматическое направление в науке еще только формировалось.

Исследования когнитивной деятельности доказали, что метафоризация является важнейшим познавательным процессом⁹. Метафора — это не только языковой феномен, с помощью нее мы постигаем мир: «Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы»¹⁰. Метафора «активно участвует в формировании личностной модели мира», она является «ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия»¹¹.

Метафора, таким образом, оказывается, представлена с одной стороны, как поэтический троп, с другой — как «незаменимое орудие разума, форма научного мышления»¹², т. е. как терминологическая метафора. Нет сомнения в том, что в поэзии и науке метафора выполняет разные функции.

В поэзии она несет авторскую, не характерную «для речевой практики всего языкового коллектива»¹³, *уникально-образную информацию*, существующую только в мире созданного образа, ограниченного контекстом, ситуацией. Поэтическая метафора субъективирована, и н т р о с п е к т и в н а. В ней происходит активизация как минимум двух фреймовых структур, между которыми наблюдается конкретное, иконическое¹⁴ сходство. Метафора увеличивает семантическое пространство слова — объем знания о предмете (денотате, референте) или концепте (схема 1).

Терминологическая метафора имеет *универсально-типологическое* и системное значение. Обладая эвристическим потенциалом, способствующим теоретизированию и формулированию предположений и гипотез, она является п р о с п е к т и в н о й и выступает в качестве своеобразной движущей силы науки. Терминологическая метафора служит созданию нового концепта для более глубокого раскрытия природы языковых явлений. Она объективирована и независима от контекста. Характер сходства соотносимых в ней феноменов — символический, стандартный, шаблонный (см. схему 1).

н и ф и к а т и в н о е. Термины с таким значением характеризуют известные грамматические понятия и категории, размышления о которых породили в античной древности дискуссию об аналогии и аномалии. Например, категория рода по-разному представлена и выражена в русском языке, но понятийно-грамматическая основа ее выделения во всех случаях одна и та же. (Ср. существительные женского рода: *учительница, профессор (сказала), птица, муха, вода, планета, боль*.) Категория вида сначала была выделена на славянском языковом материале, сейчас же ее находят во многих языках, в каждом из которых она имеет идиоэтнические особенности. Категория падежа установлена, например, в финно-угорских языках. Однако принцип ее выражения агглютинативный, что типологически отличает ее от соответствующей категории во флективных индоевропейских языках, на базе которых она впервые получила терминологический статус.

Бурное распространение терминов-метафор сигнификативного типа происходило в рамках логико-грамматического направления, когда последователи известных рационалистов из Пор-Рояля стремились описать все языки по греко-латинскому образцу. Без данных терминов сейчас не обходится ни одна дескриптивная грамматика. Однако сферы действия этих терминов всегда ограничены миром языка, не выходят за пределы его категорий.

При появлении анализируемые лингвистические термины были сориентированы на уже утраченное внешнее, денотативное, сходство (и, по-видимому, мало чем отличались от тропа). В свое время эту особенность очень остроумно подметил Р. Барт, сказав, что предложение характеризуется «в понятиях власти, иерархии: подлежащее, дополнение, управление и т. д.»¹⁶.

Таким образом, когда речь идет о сходстве, предполагающем экстралингвистическую направленность, тогда возникает языковая д е н о т а т и в н а я метафора. Например, по сходству характера протекания действия — в соотношении с состоянием, процессом, деятельностью и т. п. — в категорию аспектуальности объединяются самые разнообразные языковые средства: морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические.

Термины-метафоры денотативного типа уже как бы отстранены от мира языка, позволяют взглянуть на него извне и тем самым имеют большую информативность и большую объяснительную силу, чем термины-метафоры сигнификативного типа. Видимо, поэтому огромное количество терминов, имеющих языковую метафору денотативного типа, заимствованы лингвистикой из других наук, например: *валентность, дистрибуция, абсорбция, катализ, редукция, калька, конверсия, конденсация, иррадиация, ассимиляция, поле*.

Денотативная ориентация свойственна и терминам, имеющим п о н я т и й н у ю метафору, которая получила широкое распространение со стремительным развитием новых направлений в языкознании. По мнению Р. Стернберга, при анализе интеллектуальной дея-

тельности человека в процессе порождения речи используются теории, опирающиеся на антропологическую метафору, географическую, биологическую, компьютерную и прочие виды метафор¹⁷. Так, компьютерная метафора строится на представлении о сходстве искусственного интеллекта с человеческим мозгом: «компьютерная метафора предлагает подходить к человеческому познанию, как если бы оно было вычислительной деятельностью, и к вычислительной деятельности — как если бы она была человеческим познанием»¹⁸.

Языковые метафоры денотативного типа и понятийные метафоры выступают как предметные (или онтологические по определению некоторых лингвистов) метафоры, если они передают «осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ» и позволяют «нам вычленивать некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа»¹⁹.

Подобный тип метафор мы употребляем, говоря: *грамматика трудная, осваивать грамматику, заниматься изучением фонетики английского языка* и т. п. Важнейшую роль данные метафоры играют, когда они используются в качестве терминов, называющих принцип организации языковых явлений и вместе с ним — принцип их исследования. К таким терминам относятся *парадигма, система, структура, поле, модель, фрейм, компьютерная лингвистика* и т. д.

Если предметная метафора фиксирует необходимые и существенные признаки объекта, претендуя на максимально полный его охват, и обладает «определенным эвристическим потенциалом»²⁰, то она квалифицируется как базисная. Именно базисная метафора, характеризуясь максимальной информативностью, имеет широкую денотативную ориентацию, способствующую концептуальной экстраполяции, и создает открытую динамическую систему познавательного процесса. Например, понятие «поле» предполагает использование таких метафор, как «ядро», «периферия», а также топологический подход к изучению языковых явлений²¹.

Выбор базисных метафор мотивирован либо интерпретацией исследовательского материала (ср. *компьютер, фрейм, сценарий*), либо подходом, представляющим общенаучную тенденцию (ср. *структура, система, поле, функционально-семантическая категория*).

Базисная метафора (и вслед за ней вторичные метафоры) утрачивает в рамках соответствующей теории в процессе ее развития свое исходное метафорическое значение. Однако перенос терминов, содержащих такие метафоры, мертвые или стертые частично, в другой научный контекст, включение их в систему другого научного плана приводит к возрождению исходной метафоры, восстановлению символичности и «шаблонности», ср.: *позиция нейтрализации фонемы — стилистическая нейтрализация; языковой стиль — языковая личность; коммуникативная функция — коммуникативная культура; фактура письма — фактура речи; парадигма спряжения — парадигма значения*.

И еще один вид терминологической предметной метафоры находим в лингвистике. Это структурная метафора, которая проявляется, «когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого»²²: *префикс, суффикс, конфикс* и пр.; *синкопа, апокопа; предударный, заударный; препозиция, постпозиция; преверб, постверб; субстрат, суперстрат, адстрат* и т. д. По своей сущности термины с подобной метафорой, пожалуй, более абстрактны, чем приведенные выше виды, поскольку взаимодействие этих терминов осуществляется в рамках какого-либо уже данного терминологического концепта.

Ни одна научная работа не обходится без слов типа *связь, порядок, отношение, организация, компонент, функция, единица, элемент, анализ, принцип, аппарат, механизм, пространство* и т. п., ср.: *механизмы мозга; механизмы речи; механизмы целеположения*²³. Без них не обходится ни одна научная работа. Попытка использовать их в качестве терминов не дает им соответствующей объяснительной силы. Это лингвистические квазитермины. Из-за своей многозначности, или «широкозначности», они имеют «размытую» денотативную ориентацию. Метафора здесь не приобретает признаков, необходимых для терминологического статуса. Для уточнения семантики подобных слов обычно требуются термины, аспектирующие их значение, например: *речевой аппарат, аппарат речи; речевая организация; аналитический строй; предикативная связь* и т. д. (схема 2).

Схема 2

ТРОП	КВАЗИТЕРМИНЫ	ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА		ТЕРМИНЫ	
		ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА	ПОНЯТИЙНАЯ МЕТАФОРА		
		Сигнификативная метафора	Денотативная метафора		ПРЕДМЕТНАЯ МЕТАФОРА
			БАЗИСНАЯ МЕТАФОРА		

Основное препятствие в признании за «фонологической метафорой» научного статуса Михаил Иванович видел в том, что она не обозначает «тождества языковых планов». «Установление тождества — это операция, специфичная для науки». Метафора же строится на основе сходства, поэтому она не может находиться в полной компетенции науки, это средство поэтики.

Однако «в противоположность поэзии наука идет от большего к меньшему. Сначала она утверждает полное тождество, а затем оп-

ровергает его, ограничивая частичным»²⁴. По мнению Э. Кассирера, в основе процесса абстрагирования и формирования понятия «лежит акт отождествления, идентификации», и «психология абстракции должна прежде всего выставить требование, что восприятия должны, в целях логического рассмотрения, быть в состоянии располагаться в „ряды сходств“»²⁵.

В связи с этим можно утверждать, что в лингвистике право на сосуществование имеют как состоявшиеся термины, утратившие метафоричность, так и термины, находящиеся на разных стадиях метафорической концептуализации. Но все они должны обладать вышеуказанными признаками. Ср.: *пропозиция* — *концепт* — *фрейм* — *сценарий* — *паттерны* — *прототипы* — *скрипт* — *гештальт* — *схема* — *когнитивная модель*.

В акте метафоризации выделяются такие составляющие, как «отношение», «степень сходства», «интеграция», «уподобление»²⁶. Если мы расположим их по шкале от тождества, предельного сходства, до абсолютного различия, т. е. до того момента, когда метафора не наблюдается в системе указанных понятий, то мы будем иметь следующую картину (схема 3).

¹ Стеблин-Каменский М. И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 74–80.

² Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977; Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

³ Меликова-Толстая С. Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996. С. 155–177.

⁴ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1; Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 366–566; Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка. М., 1975; Гийом Гюстав. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

⁵ Баранов А. Н. Указ. соч. С. 97.

⁶ КСКТ — Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. М., 1997.

⁷ Аристотель. Сочинения. М., 1984. Т. 4.

⁸ Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 33–43.

- ⁹ *Портнов А. Н.* Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX–XX веков: Методологический анализ основных направлений исследования: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 1998.
- ¹⁰ *Мак-Кормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 360.
- ¹¹ *Петров В. В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135.
- ¹² *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
- ¹³ *Берков В. П.* Норвежская лексикология. СПб., 1994.
- ¹⁴ *Рикёр П.* Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 444.
- ¹⁵ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 452.
- ¹⁶ *Барт Ролан.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 539.
- ¹⁷ *Стернберг Р.* Триархическая теория интеллекта // Иностранная психология. 1996. № 6. С. 54–61.
- ¹⁸ *Мак-Кормак Э.* Указ. соч. С. 378; *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 37.
- ¹⁹ *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 407.
- ²⁰ *Портнов А. Н.* Указ. соч. С. 47.
- ²¹ *Шур Г. С.* Теории поля в лингвистике. М., 1974.
- ²² *Лакофф Д., Джонсон М.* Указ. соч. С. 396.
- ²³ *Зимняя И. А.* Психология обучения неродному языку. М., 1989.
- ²⁴ *Ортега-и-Гассет.* Указ. соч. С. 210.
- ²⁵ *Кассирер Э.* Познание и действительность: Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб., 1912. С. 26–27.
- ²⁶ *Ортони Э.* Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. М., 1990. С. 219; *Рикёр П.* Указ. соч. С. 443.